

- [Иоанн Златоуст#13;](#)
 - [Слово первое](#)
 - [О воздержании от второго брака](#)
-

Иоанн Златоуст

К молодой вдове

Слово [1](#) [2](#)

Предлагаемые два слова написаны св. [Иоанном Златоустым](#) к молодой вдове, которой муж, по имени Фирасий, был знатный и благочестивый человек и умер в цветущем возрасте после пяти лет супружества. Преподавая вдове христианские утешения и увещания, святитель касается некоторых исторических лиц и событий, по которым можно заключать о времени написания этих слов. Так в 4-м отделении первого Слова, где тогдашней римский император представляется воюющим с варварами, говорится о Феодосие Вел., который со времени провозглашения своего императором в 379 г. вел почти непрерывную войну с готами до решительного поражения их в 382 г. Посему можно заключать, что первое Слово написано не ранее 380 и не позже 382 г. Второе же Слово, конечно, последовало вскоре за первым.

Слово первое

1. Все будут согласны с тобою и никто даже из весьма любомудрых не станет противоречить тому, что ты получила тяжкий удар и что посланная свыше стрела поразила тебя в самое роковое место; но так как раненные должны не в плаче и слезах проводить все время, а тщательно заботиться и об уврачевании ран, чтобы оне, быв оставлены без внимания, не причинили больших слез и не усилили пламени скорби: то полезно и тебе принять словесное утешение, и остановив несколько потоки слез, хотя на краткое время предать себя тем, которые намереваются утешить тебя. Поэтому и мы не беспокоили тебя во время самой сильной скорби, когда эта молния лишь только упала (на тебя); но, переждав этот промежуток времени и предоставив тебе насытиться рыданиями, когда наконец ты получила возможность проглянуть несколько из этой мглы и открыть слух тем, которые стараются утешить тебя, и мы теперь, после (утешительных) речей служанок, предлагаем и свою. Кто стал бы убеждать (тебя) отложить печаль тогда, когда еще буря была велика и горе весьма сильно, тот более усилил бы твои рыдания, и своими словами придал бы много пищи огню (печали), а на себя навлек бы неудовольствие и мнение, как о человеке недобром и безразрудном; когда же буря, наконец, начала утихать и Бог усмирил ярость волн, то мы свободно распустим паруса слова. Во время умеренной непогоды искусство, может быть, в состоянии будет сделать свое дело; а когда бывает непреодолимый напор ветра, тогда и опытность не приносит никакой пользы. По всем этим причинам мы во все предшествовавшее время молчали, и даже теперь едва решились открыть уста, когда услышали от твоего дяди, что можно, наконец, осмелиться на это, что уже осмеливаются вести с тобою длинная речи об этом и почетная служанки, и посторонняя женщины, и родственницы, и другая близкая (к тебе). Если их слова ты принимаешь, то мы вполне надеемся и убеждены, что не отвергнешь и наших, но выслушаешь их с возможным спокойствием и благодушием. Женщины и всегда очень чувствительны к несчастию; когда же присоединится еще молодость, и преждевременное вдовство и неопытность в делах, и великое множество забот, между тем как все прежнее время было проведено в удовольствиях, в довольстве и богатстве, то горе в несколько крат увеличивается, и если подвергшаяся ему не получит помощи свыше, то и случайная какая-нибудь мысль может поразить ее. В этом я и нахожу первое и величайшее доказательство

великаго Божескаго попечения о тебе; ибо при внезапном стечении стольких бедствий не притти в отчаяние от печали и не лишиться естественнаго состояния своего разума, это было делом не человеческой помощи, но Десницы всемогущей, того Разума, которому нет числа, той Премудрости, которая неизследима, Отца щедрот и Бога всякаго утешения. «Яко той поби мы», говорит (пророк), «и исцелит ны, уязвит, и уврачуует ны, и исцелит ны» ([Ос. VI, 2](#)). Доколе жил с тобою блаженный муж твой, ты пользовалась почетом, внимательностию и заботами, пользовалась столько, сколько можно было получать от человека; а когда Бог взял его к Себе, то Он Сам заступил его место для тебя. И это не моя мысль, но блаженнаго пророка Давида, который говорит: «сира и вдову примет» ([Псал. 145:9](#)); и в другом месте называет Его Отцем сирых и Судиею вдовиц ([Псал. LXVII, 6](#)); и часто ты можешь видеть такое великое попечение Его об этих людях.

2. Но чтобы самое название (вдовы), часто произносимое, не огорчало твоей души и не смущало тебя мыслию о том, что оно пришло к тебе в самом цветущем возрасте, я хочу наперед сказать об этом и объяснить, что название вдовства есть название не несчастья, но почести, и почести величайшей. Не приводи мне в свидетельство ложнаго мнения толпы, но (выслушай) законоположение блаженнаго Павла, или лучше, Христа; ибо что говорил Павел, то чрез него говорил Христос, как и сам он сказал: *понеже искушения ищите глаголющаго во мне Христа*» ([2Кор. XIII, 3](#)). Что же он говорит? «Вдовица же да причитается не меньше лет шестидесятих» ([1Тим. V, 9](#)); и еще: «юных же вдовиц отрицайтесь» (ст. 11); теми и другими словами он желает показать нам величие этого состояния (вдовства). Когда он дает постановления об епископах, то нигде не определяет числа лет, а здесь делает это с великою точностию. Почему? Не потому, чтобы вдовство было больше священства, но потому, что эти (вдовы) встречают больше трудностей, нежели те (епископы), так как их с разных сторон окружает множество дел, общественных и частных. Как город, не огражденный стеною, бывает открыт для всех, желающих вторгнуться в него для расхищения, так и юная вдова бывает окружена отовсюду множеством коварных людей, не только домогающихся ея имущества, но и готовых растлить ея целомудрие. И не только эти, но и другие мы можем указать случающиеся поводы к ея падению. Так неуважение от домашних, запутанность дел, лишение прежняго почета, видимое благополучие сверстниц, а часто и желание удовольствий располагают вдов вступать во второй брак. Бывают между ними и такие, которыя не хотят вступать в законный брак с мужчинами, но (живут с

ними) тайно и скрытно; и это делают для того, чтобы получать похвалы за вдовство; так это состояние не только не поносно, но и считается у людей достойным удивления и почтения; не только у нас верных, но и у самих неверных. Когда я был еще молод, помню, как учитель мой (а он был суевернейший из всех людей) при многих удивлялся моей матери. Желая узнать, по обыкновению, от окружающих его, кто я таков, и услышав от кого-то, что я сын вдовы, он спросил меня о возрасте моей матери и о времени ее вдовства. И когда я сказал, что ей сорок лет от роду и что двадцать лет уже прошло, как она лишилась моего отца, он изумился, громко воскликнул и обратившись к присутствовавшим сказал: «ах! какая у христиан есть женщины!» Таким удивлением и такую похвалю пользуется это состояние (вдовства), не только у нас, но и у внешних (язычников)! Зная все это, блаженный Павел сказал: «вдовица же да причитается не меньше лет шестидесятих» ([1Тим. V, 9](#)). Впрочем, не по этому только свидетельству годов позволяет он причислять ее к священному лику (вдовиц), но присовокупляет и другие качества: «в делех добрых», говорит, «свидетельствуема, аще чада воспитала есть, аще странная прият, аще святых нозе умы, аще скорбным утешение бысть, аще всякому делу благу последовала есть» ([1Тим. V, 10](#)). Какое внимание и испытание! Каких добродетелей он требует от вдовицы и с какою точностию исчисляет их! Этого он не сделал бы, если бы не хотел вверить ей дело почтенное и достоуважаемое. «Юных же», говорит он, «вдовиц отрицайся». Потом присовокупляет и причину: «егда бо разсвирепеют о Христе, посягати хотят» ([1Тим. V, 11](#)). Этими словами (апостол) внушает нам, что жены, лишившиеся мужей, вместо них соединяются со Христом. Заметь, как он этими словами показывает, что такой союз легок и приятен; именно в словах: «егда бо разсвирепеют о Христе, посягати хотят», (он говорит о Христе), как бы о каком кротком муже, который не поступает с ними самовластно, но позволяет им жить на свободе. И на этом он не остановил речи, но показал великую заботливость о вдовице еще в другом месте, сказав: «питающаяся же пространно, жива умерла» ([1Тим. V, 6](#)). «А сущая истинная вдовица и уединена упоает на Бога, и пребывает в молитвах и молениих день и ночь» ([1Тим. V, 5](#)). И в послании к Коринфянам он говорит: «блаженнейша же есть, аще тако пребудет» ([1Кор. VII, 40](#)). Видишь ли, какая похвалы (воздаются) вдовству, и притом в Новом Завете, когда уже просияла и красота девства? Однако и в это время блеск девства не мог помрачить светлости вдовства, но оно и теперь сияет, имея собственное достоинство. Итак, когда мы упоминаем о вдовстве, ты не падай духом и не считай этого состояния позорным; ибо

если оно позорно, то тем более девство. Но нет, нет; да не будет! Если все мы почитаем и уважаем тех жен, которые живут воздержно еще при жизни своих мужей, то как не почитать и не хвалить тех, которые, и по смерти своих мужей, оказывают прежнее к ним благорасположение? Пока ты жила вместе с блаженным Фирасием, то, как я сказал, ты, пользовалась и почетом и вниманием, какия можно получать от человека; теперь же, вместо него, ты имеешь Владыку всех – Бога, который и прежде хранил тебя, а теперь еще больше и с особенною заботливостию будет пещись о тебе; и немалое доказательство Своего великаго промышления о тебе, как я выше сказал, Он уже показал нам тем, что сохранил тебя здоровою и невредимою среди такого пламени забот и печали, и не попустил тебе потерпеть ничего нежелательнаго. Если же Он не попустил быть кораблекрушению во время такой бури, но тем более сохранит твою душу во время тишины, и облегчит для тебя тяжесть как вдовства, так и представляющихся в нем бедствий.

3. Если же тебя смущает не название вдовы, а потеря такого мужа, то согласно с тобою и я признаю, что на всей земле между светскими людьми немного бывало таких любезных, кротких, смиренных, искренних, разумных и благочестивых. Но, если бы он совершенно разрушился и обратился в ничто, тогда следовало бы скорбеть и сокрушаться; если же он приплыл в тихую пристань и переселился к своему истинному Царю, то об этом должно не плакать, а радоваться. Эта смерть не смерть, но некоторое переселение и перемещение из худшаго (состояния) в лучшее, с земли на небо, от людей к ангелам и архангелам, к Владыке ангелов и архангелов. Здесь на земле, когда он служил царю, ему можно было ожидать опасностей и многих козней от завистников; ибо по мере того, как возрастала его знаменитость, умножались и козни врагов; а по отшествии туда, ему уже не нужно опасаться ничего такого. Поэтому, сколько ты скорбишь о том, что Бог взял к себе столь полезнаго и добродетельнаго человека, столько же должна и радоваться, что он переселился отсюда с великою безопасностью и славою, и, избавившись от смятений настоящей непостоянной жизни, пребывает в совершенном мире и спокойствии. Подлинно, не странно ли признавать небо гораздо лучшим земли, а переселившихся отсюда туда – оплакивать? Если бы покойный жил порочно и вопреки воле Божией, то следовало бы сокрушаться и рыдать об нем не только по смерти, но и при жизни его; а так как и он принадлежал к числу возлюбленных Божиих, то одинаково должно радоваться, жив ли он, или умер. И что так должно поступать, об этом ты конечно слышала от блаженнаго Павла, который говорит: «разрешитися и со Христом быти

много паче лучше» ([Филип. I, 23](#)). Но ты, может быть, хочешь слышать слова мужа и наслаждаться дружбою с ним, желаешь по прежнему обращаться с ним, и пользоваться бывшею при нем славою, блеском, почетом и спокойствием, и потеря всего этого смущает и омрачает тебя? Любовь к нему ты можешь сохранять и теперь так же, как и прежде; сила любви такова, что она объемлет, совокупляет и соединяет не только тех, которые находятся при нас, или близко к нам, и которых мы видим, но и тех, которые удалены от нас; ни продолжительность времени, ни дальность разстояния, и ничто другое подобное не может прервать и прекратить душевную дружбу. Если же ты желаешь и видеть его лицом к лицу (я знаю, что ты весьма желаешь этого), то соблюди ложе его недоступным для другого мужа, постарайся сравняться с ним по жизни, и ты конечно отойдешь отсюда в один и тот же с ним лик, и будешь жить вместе с ним не пять лет, как здесь, не двадцать или сто, даже не тысячу или две, не десять тысяч или несколько десятитысячелетий, но безпредельные и безконечные веки. Наследование теми местами упокоения получается не по телесному родству, но по одинаковому образу жизни. Если одинаковость жизни привела и Лазаря, незнакомаго Аврааму, в самыя недра его и удостоивает к возлежанию с ним многих от востока и запада, то и ты займешь место упокоения вместе с прекрасным Фирасием, если захочешь жить так же, как он жил; тогда ты опять увидишь его, но не в этой красоте телесной, с которой он умер, а в некотором ином блеске и сиянии, которое гораздо светлее лучей солнечных. Настоящее тело, какой бы великой высоты ни достигло, тленно; но тела благоугодивших Богу облекутся такую славою, на которую и смотреть невозможно этими глазами. Некоторые знаки и неясные следы этого Бог показал нам как в Ветхом, так и в Новом Завете. Тогда лице Моисея сияло такую славою, что израильтяне не могли смотреть на него; а в Новом Завете гораздо больше просияло лице Христово. Скажи мне: если бы кто обещал сделать его (Фирасия) царем всей земли, и для этого повелел разстаться с тобою на двадцать лет, а после того обещал бы возвратить его к тебе в диадиме и багрянице и тебя также сделать участницею его славы, ужели ты не перенесла бы такой разлуки благодушно и с надлежащим благоразумием? Ужели не обрадовалась бы такому дару и не сочла бы его вожделенным? Переноси же эту разлуку и теперь, не для земнаго царства, но для небеснаго, не для того, чтобы опять увидеть мужа в золотой одежде, но – в бессмертии и славе, какая свойственна небесным жителям. Если же тебя очень тяготит продолжительность времени (разлуки), то он, вероятно, иногда является тебе в сновидениях, по прежнему разговаривает с тобою, и

показывает тебе вожделенное лице свое; это пусть будет утешением для тебя вместо писем, или лучше, даже яснее писем. Там видны одне только буквы, а здесь можно увидеть и образ лица, и кроткую улыбку, и осанку, и походку, можно услышать и звук и узнать любезнейший голос.

4. Если же ты жалеешь еще о том спокойствии, каким прежде наслаждалась при нем, а может быть и о тех надеждах, какия представлялись ему еще на большия почести (я слышал, что он скоро мог достигнуть високаго места градоначальника; а это больше всего, думаю, мучит и смущает душу твою), то представь себе тех, которые были на высшей, чем он, степени достоинства, и кончили жизнь весьма жалким образом. Напомню тебе о них. Ты, может быть, слышала о Феодоре сицилийском: он был из числа очень знаменитых мужей; превосходя всех красотою, величественным видом и дерзновением пред царем, и имея столько силы, сколько никто из приближенных (к царю), он не перенес скромно этого благополучия, но, замыслив зло против царя и быв уличен в этом, был казнен весьма жалким образом; а жена его, нисколько не уступавшая твоему благородству ни по воспитанию, ни по происхождению, ни во всех других отношениях, вдруг лишилась всего своего имущества и даже свободы, была включена в число домашней прислуги и принуждена была жить хуже всякой служанки, имея то преимущество пред другими, что своим чрезвычайным несчастьем возбуждала слезы у всех видевших ее. Рассказывают и об Артемизии, жене очень знатнаго человека; за то, что и он стал домогаться верховной власти, она доведена была до такой же бедности и ослепла; потому что частию великость печали, частию множество слез помрачили ея зрение, и она теперь нуждается в сторонней помощи, чтобы дойти до чужих дверей и таким образом получить необходимую пищу. Мог бы я указать и на многия другия семейства, потерпевшия такое унижение, если бы не знал благочестия и благоразумия твоей души, которая утешения в своем несчастий не желает искать в чужих бедствиях. И упомянутые примеры представил я теперь только для того, чтобы ты убедилась, что дела человеческия ничтожны, и что по-истине, как сказал пророк, «всяка слава человека яко цвет травный» (Иса. XL, 6). Чем выше человек поднимется и чем больше приобретет блеска, тем глубже бывает его падение; и это бывает не только с подчиненными, но и с самими царствующими (особами). Нельзя найти частный дом, который был бы исполнен таких несчастий, какими бедствиями бывают исполнены царские чертоги: и преждевременное сиротство, и вдовство, и насильственная смерть, убийства, гораздо беззаконнейшия и тягчайшия тех, о которых

разсказывается в трагедиях, особенно поражают облеченных этою властью. Оставив древние примеры, скажу, что из царствовавших в наш век (всех их было девять) только двое окончили жизнь обыкновенною смертию; из прочих же один погиб от мятежника, другой на войне, третий от козней своих телохранителей, четвертый от самого того, кто избрал его и облек багряницею; а жены их умерли, как говорят, одне от яда, другия от самой печали. Из остающихся доселе в живых одна, у которой есть дитя сирота, дрожит от страха, чтобы кто-нибудь из властителей не погубил его из опасения касательно будущего; а другая едва по ходатайству многих возвратилась из ссылки, в которую раньше отправил ее властитель. Из жен ныне царствующих особ одна, освободившись от прежних несчастий, вместе с этою радостью испытывает и большое горе потому, что властитель еще очень молод и неопытен и окружен множеством зложелателей; а другая совсем истомилась от страха и живет хуже осужденных на смерть от того, что муж ее с того самого времени, как облекся диадимою, доселе проводит время на войнах и в сражениях, и больше, чем от несчастий, страдает от стыда и всеобщих укоризн. Ибо никогда прежде не бывало того, что случилось теперь, чтобы варвары, вышедши из своей страны, проникли на тысячу, и даже на несколько тысяч стадий в нашу землю; сожигая селения и разрушая города, они и не думают возвращаться домой, но, как будто забавляясь игрою, а не воюя, издеваются над всеми нашими; а кто-то из их царей, говорят, сказал, что он изумляется безстыдству наших воинов, которых режут более, чем овец, а они еще надеются победить и не хотят выйти из своей местности; сам я, говорил он, уже пресытился, часто поражая их. Каково, думаешь, на душе у царя и его супруги, когда они слышат такие слова?

5. Когда я вспомнил об этой войне, то мне представился великий ряд вдов, которыя прежде весьма блистали знаменитостью своих мужей, а теперь вдруг все облекшись в печальную черную одежду, проводят все время в слезах. С ними не то было, что с твоею почтенною главою. Ты, почтеннейшая, видела своего прекрасного мужа лежащим на одре, слышала последния слова его, получила от него наставление, как вести домашния дела, и узнала завещание, которым он совершенно оградил тебя от людей корыстолюбивых и коварных. Кроме того, ты часто припадала к нему, когда он лежал уже мертвым, целовала глаза его, обнимала и оплакивала его, видела, с какою честью он был провожаем, сама приготовила все, нужное для приличного его погребения, и доселе получаешь немалое утешение в скорби, часто посещая могилу его. А те были лишены всего этого; оне все, отправив своих мужей на войну в

надежде их возвращения, вместо мужей получили печальную весть об их смерти; пришедшие к ним не тела убитых (мужей) принесли им, но только рассказы об образе их смерти. А есть такая, которая не удостоилась и такого повествования и не могли узнать, как пали (мужья их), которые были завалены множеством убитых. И удивительно ли, что так погибли многие из военачальников, когда и сам царь, скрывшись с немногими воинами в одном селении, не решился выйти из него и противостоять нападающим, но, оставаясь там, был подожден ими и сторел со всеми бывшими там, не только людьми, но и лошадьми, оружием, стенами, так что все это обратилось в пепел? Такую весть о царе, вместо него самого, принесли жене его отправившиеся с ним на сражение. Подлинно, мирской блеск нисколько не отличается от представлений на зрелище и от красоты весенних цветов; и во-первых, он исчезает прежде самого появления; потом, если когда и остается на малое время, тотчас оказывается тленным. Что ничтожнее чести и славы народной? Какой она приносит плод, какую пользу? К какому приводит она благому концу? И, о если бы при ней было только это горе! А теперь, преданный этой жесточайшей госпоже (страсти к славе), не только не приобретает ничего хорошаго, но еще принужден бывает постоянно терпеть много неприятного и вреднаго. Она господствует над теми, которые предаются ей, и чем больше получает угождений от этих рабов, тем больше надмеваётся над ними и тем тяжчайшими изнуряет их повелениями; а тем, которые отвергают и презирают ее, она не может мстить. Таким образом она свирепее и тирана, и всякаго зверя; потому что от ласковаго обращения часто делаются кроткими и тиран и зверь, а эта страсть тогда особенно и свирепствует, когда ей больше повинуются и, если найдет кого послушным себе и готовым на все, то не откажется ни от каких приказаний ему. Она имеет свою сотрудницею еще и другую (страсть), которую безошибочно можно назвать ея дочерью. Когда сама она, быв воспитана и возвращена, уже крепко укоренится в нас, тогда пораждаёт гордость, которая не меньше ея самой может низвергнуть в пропасть душу предавшихся ей.

6. Итак, скажи мне, неужели ты плачешь о том, что Бог избавил тебя от столь жестокого рабства, что совершенно заградил доступ (к тебе) этим губительным недугам? При жизни твоего мужа оне не переставали часто вторгаться в твои душевные помыслы; а когда он умер, то уже не могут с какой-либо стороны напасть на ум твой. Затем тебе остается не плакать об их удалении и не допускать несноснаго их владычества; потому что, где оне станут действовать сильно, там все ниспровергают и разрушают до основания; и как многия из распутных женщин, безобразныя и

отвратительныя от природы, притираниями и прикрасами обольщают еще неопытныя души юношей, и, когда подчинят их своей власти, обращаются с ними хуже, чем со всяким невольником, так и эти страсти, тщеславие и гордость, оскверняют человеческия души хуже всякой язвы. Поэтому и богатство многим казалось благом, а без этих страстей и оно не будет привлекательно. Те, которые успели приобрести славу в народе бедностию, не только уже не старались богатеть, но и отвергали золото, предлагаемое им в большом количестве. Ты не нуждаешься, чтобы я указал тебе на таких людей, но сама лучше нас знаешь Епаминонда, Сократа, Аристида, Диогена, Кратиса, который отдал свое поле на пастбище для овец . Другие, у которых не было богатства, видя, что бедность может доставить им славу, тотчас обратились к ней; а этот (Кратис) бросил и то что, имел: с таким неистовством все старались приобрести этого свирепаго зверя (славу)! Не будем же плакать, что Бог избавил нас от гнуснаго, смешнаго и весьма постыднаго рабства этой властительнице; у ней только имя блистательно, а на деле она приводит преданных ей в состояние противоположное этому названию, и нет никого, кто бы не смеялся над делающим что-нибудь для славы. Тот только может сделаться знаменитым и славным, кто не домогается этого; а кто народную славу считает за нечто великое и для приобретения ея переносит и делает все, тот особенно и не достигает и не получает ея, но удостаивается всего противоположнаго: осмеяния, осуждения, злословий, вражды и ненависти. И это, обыкновенно, бывает не только с мужчинами, но и с вами, женщинами, и в особенности с вами. Той, которая соблюдает простоту и во внешнем виде, и в походке, и в одежде, и ни от кого не домогается чести, все (женщины) удивляются, восхищаются ею, ублажают ее и желают ей всего хорошаго; а от тщеславной отвращаются с ненавистию, убегают, как бы от какого дикаго зверя, и осыпают ее тысячами проклятий и злословий. Не гоняясь за людскою славою, мы не только избегаем этих зол, но сверх выше сказаннаго приобретем то что важнее всего, приучаясь мало по малу облегчать себя, возноситься к небу и презирать все земное. Не ищущий почестей от людей, что ни делает хорошаго, делает все это спокойно, и, будут ли прискорбны или благоприятны обстоятельства его жизни, не потерпит никакого вреда: первыя не в состоянии поразить его и повергнуть (в уныние), а последняя сделать его гордым и надменным, но среди всех перемен и замешательств сам он остается вне всякой перемены. Это, надеюсь, скоро будет и с твоею душою, и ты, отрешившись от всего житейскаго, явишь нам образ жизни небесной, и, недолго спустя, будешь смеяться над этою славою, о которой плачешь теперь, увидев, как пуста и

суетна внешность ея. Если же ты желаешь иметь спокойствие, какое было у тебя при муже, сохранить имущество и не подвергаться никаким козням пользующихся чужими несчастиями; то «возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает» ([Пс. LIV, 23](#)). «Воззрите», говорит (премудрый), «на древния роды, и видите, кто верова Господеви, и постыдися, или кто пребысть в страсе его, и оставися; или кто призва его, и презре и» ([Сир. II, 10](#)). Тот, кто помог тебе перенести столь невыносимое несчастье и успокоил тебя теперь, Тот и впредь оградит тебя от бед; а что больше этого несчастья ты уже не испытаешь другого, в этом и сама ты согласишься с нами. Если же ты так мужественно перенесла настоящее бедствие, будучи притом неопытна, то гораздо легче перенесешь, если – чего да не будет! – случится с тобою впоследствии что-нибудь нежелательное. Итак ищи неба и всего того, что ведет к тамошней жизни, и тогда ничто здешнее не может повредить тебе, даже и сам «миродержитель тмы» ([Ефес. VI, 12](#)), только бы мы не причиняли вреда самим себе. Хотя бы кто отнял у нас имущество, хотя бы изрезал (наше) тело, все это для нас ничто, когда душа у нас остается здоровою.

7. Вообще, если ты желаешь, чтобы и имущество твое было в безопасности и даже умножилось, я покажу тебе и способ к этому и место, куда невозможно проникнуть никому из людей злонамеренных. Какое же это место? Небо. Отправь его к своему прекрасному мужу, и ни вор, ни злоумышленник, и ничто другое вредное не может прикоснуться к нему. Если ты сложишь это имущество там, то получишь от него большую прибыль; ибо все, насаждаемое нами на небесах, приносит больший и лучший плод, такой, какой свойственно приносить растениям небесным. Если так поступишь, то смотри, какая получишь блага: во-первых, вечную жизнь и обещанная любящим Бога блага; «ихже око не виде, и ухо не слыша и на сердце человеку не взыдоша» ([1Кор. II, 2](#)); потом, – постоянное жительство с прекрасным твоим (Фирасием); и избавишься от здешних забот, опасений, опасностей, козней, вражды и ненависти. Пока ты будешь держать имущество при себе, то, может быть, найдутся люди, которые присвоят его себе; а если переложить его на небо, то будешь вести жизнь безопасную, спокойную и безмятежную, наслаждаясь благодушием вместе с благочестием. Подлинно, весьма безразумно, что, желая купить поле, ищут земли плодоносной, а когда предлагается вместо земли небо и можно приобрести место там, остаются на земле и терпят на ней горести, потому что надежды (земные) часто обманывают нас. Если твою душу сильно возмущает и тревожит то, что муж твой неоднократно имел надежду получить достоинство градоначальника и восхищен прежде получения

этой власти, то во-первых, обрати внимание на то, что, хотя эта надежда была и весьма очевидна, однако она была надежда человеческая, которая часто не сбывается; много мы видим в жизни таких случаев, когда самая, повидимому, несомненная надежды оставались без исполнения, и напротив, часто сбывалось то, что и на ум нам не приходило, и это, как мы видим, непрестанно бывает и с властями, и с царствами, и с наследствами, и с браками, и со всем; так что, хотя бы и очень близко было время (достижения такой надежды), однако, по пословице, «от чаши до верхней губы – большое разстояние». И Писание говорит: «от утра до вечера изменяется время» ([Сир. XVIII, 26](#)). Так иной сегодня царствует, а завтра умирает. И еще, объясняя нам неверность надежд, тот же премудрый говорит: «мнози мучители седоша на земли, нечаемый же увязеся венцем» ([Сир. XI, 5](#)). Так (и о твоём муже) несомненно было, что он при жизни достиг бы этой власти, в чем заставляют нас сомневаться и неизвестность будущего и другая обстоятельства. Из чего видно, что он, если бы остался жив, достиг бы этой власти, что с ним не случилось бы даже противное, что он не потерял бы и то достоинство, какое имел, подвергшись болезни, или потерпев от зависти и злобы людей, хотевших повредить ему, или испытав какое-нибудь другое несчастье? Впрочем примем, если угодно, за несомненное, что он при жизни непременно достиг бы такой высоты; но, чем выше достоинство, тем большими оно необходимо сопровождается опасностями, заботами и кознями. Пусть даже не будет и этого; пусть он переплывал бы это море безопасно и очень спокойно: какой же, скажи мне, был бы конец? Не такой же ли, какой и теперь? Даже, может быть, и не такой, а другой неприятный и нежелательный. Во-первых, он позже увидел бы небо и все небесное, а это немалая потеря для верующих в будущее; потом, хотя бы он жил очень чисто, но вследствие продолжительности жизни и неизбежных в том звании обстоятельств, не мог бы отойти также чистым, как теперь. Неизвестно, не испытал бы он много перемен и не впал ли бы в крайнюю беспечность, в которой и умер бы. Теперь мы убеждены, что, по милости Божией, он отлетел в страну упокоения, потому что не сделал ничего, что лишает царства небесного; а тогда, проведя долгое время в общественных делах, он, может быть, покрыл бы себя многими пятнами; ибо обращаться среди столь многих зол и прожить хорошо – это большая редкость; а грешить волею или неволею – это дело обыкновенное и непрестанно случающееся. Но теперь мы избавлены от такого опасения и очень уверены, что он в день суда явится в великом блеске, сияя близ Царя, вместе с ангелами предшествуя Христу, облекшись в неизреченную славу,

предстоя Судии – Царю и служа Ему на первом месте. Посему, оставив слезы и рыдания, старайся жить так же, как он жил, или еще лучше его, чтобы, сравнившись с ним по добродетели, тебе поселиться в одной с ним обители, и опять соединиться с ним на бесконечные веки, не этим союзом брака, но другим, гораздо превосходнейшим; ибо этот (брак) есть только союз тел, а тогда будет соединение души с душою, гораздо теснейшее, приятнейшее и превосходнейшее.

О воздержании от второго брака

1. Нет ничего удивительного, что желают выйти замуж женщины, не испытав замужней жизни, мук деторождения и всего прочего, что брак вносит с собою в дома людей; и «война», это столь трудное дело, по пословице, «приятна для неопытных»; но когда женщины, которые перенесли тысячи горестей и часто тяжким опытом вынуждались считать блаженными свободных от мирских дел, и тысячу раз проклинать и самих себя, и своих свах, и тот день, в который оне вошли в брачные чертоги, когда эти женщины, после таких огорчений, опять домогаются того же состояния, – это приводит меня в крайнее удивление и недоумение, и заставляет изследовать причину, почему оне того состояния, которое прежде считали несносным, когда находились в нем, теперь, когда освободились от него, опять домогаются, как вожделенного. Разсматривая с разных сторон множество своих мыслей об этом деле, я едва, наконец, как полагаю, нашел причину его; а лучше сказать, не одна причина тому и не две только, но гораздо больше. Одне (из вдов), по давности времени забыв о прошлом и заботясь только о настоящем, вступают в брак, для освобождения от бедствий вдовства, но находят в нем другия, гораздо тягчайшия бедствия, так что повторяют прежния жалобы. Другия, опять предаваясь мирским делам и стремясь к славе настоящей жизни, и считая состояние вдовства предосудительным, для суетной славы и пустой важности принимают на себя тягости брачной жизни. А есть и такиа, которыя снова вступают в прежнее состояние не по этим причинам, но единственно по невоздержанию, хотя и стараются прикрыть истинную причину вышесказанными предлогами. Впрочем, как сам я не смею упрекать и осуждать их за этот брак, так и другим не советую; потому что иначе судит об этом и блаженный Павел, или лучше, Дух Святый, сказав: «жена привязана есть законом, в елико время живет муж ея: аще же умрет муж ея, свободна есть за негоже хочет посягнути, точию о Господе» ([1Кор. VII, 39](#)), и дозволив вдове, если она пожелает, опять вступить в брак; и потом сказав: «блаженнейша же есть аще тако пребудет» ([1Кор. VII, 40](#)), чтобы кто-нибудь не подумал, что это человеческое повеление, он присовокупил: «мнюся бо и аз Духа Божия имети», и тем показал, что он написал это по внушению Духа. Итак, пусть никто не думает, будто в порицание или осуждение вступающих в брак я говорю то, что теперь скажу. Было бы крайне надменно и безразсудно, если бы мы стали

нещадно осуждать тех, которых не осудил, но пощадил блаженный апостол, когда притом мы сами обременены множеством грехов. Если нам повелевается «не судить», чтобы самим не быть осужденными в той же мере ([Матф. VII, 1–2](#)), и быть не строгими, но снисходительными и кроткими судиями чужих грехов, то ты, порицая такое дело, которое не составляет и греха, и осуждая других, тем лишишь самого себя всякого прощения, своими поступками с ближним сделав судию более строгим к тебе самому. Итак, я приступил теперь к этому предмету не для того, чтобы упрекать и осуждать этих (вдов); что может совершаться о Господе, то не подлежит никакому осуждению; «точию», говорит апостол, было бы «о Господе». Как, говоря о девстве, мы превозносим его (похвалами), не для того, чтобы унижить брак: так, и беседуя о вдовстве, советуем довольствоваться первым браком, не потому, чтобы считали второй брак запрещенным, но допускаем, что и второй брак есть дело законное, и однако первый гораздо лучше второго. Посему пусть никто не считает пороком того, что, по сравнению с высшим, оказывается низшим. Мы не для того делаем это сравнение, чтобы второй брак поставить в разряд порочных дел; но, признавая его законным и предоставленным воле (вдовы), однакож предпочитаем ему и уважаем первый брак, как гораздо лучший. Почему? Потому что не все равно, – быть женою одного мужа, и одной и той же быть женою другого. Та, которая удовольствовалась первым браком, показала, что она не вступила бы прежде и в этот брак, если бы по опыту хорошо знала это состояние; а та, которая на брачное ложе первого мужа приводит другого, представляет не малое доказательство великой любви своей к миру и привязанности к земному. Первая и при жизни мужа не была склонна ни к кому другому; а последняя, хотя при жизни мужа и не грешила с другими, но занималась многими другими больше, чем им.

2. Но, не осуждая догадками прошедшую жизнь, рассмотрим самое дело. Как девство лучше брака, так первый брак лучше второго. Вдова, только по началу ставши ниже девственницы, при конце опять равняется и делается одинаковою с нею; а второй брак ниже девства с той и другой стороны. Кроме того, та, которая легко переносит вдовство, конечно, часто воздерживается и при жизни мужа; а та, которая считает это состояние невыносимым, готова жить не только с двумя или тремя, но и с гораздо большим числом мужей, и только с наступлением старости едва делается воздержною. Посему, как тот брак есть доказательство великой честности и целомудрия: так этот есть знак – не скажу, сладострастия; нет, – но души слабой и весьма плотяной, привязанной к земле и неспособной никогда

помыслить ничего великаго и високаго. Если же кто скажет, что доброе дело остается добрым, случится ли оно однажды, или дважды, или несколько раз (ибо оно будет одинаково добрым; а кто часто делает добро, тот по справедливости более восхваляется; так что, если и брак есть дело доброе, то часто пользующийся им похвальнее и почтеннее того, кто пользуется им редко), то мы ответим, что такое умствование может увлечь простодушных, но разсудительные легко могут понять его лживость. Брак называется браком не по (телесному) соитию – иначе и прелюбодеяние было бы браком, – но потому, что вступающая в брак привязывается к одному мужу, и этим благородная и целомудренная женщина отличается от распутной. Если она постоянно будет довольствоваться одним мужем, то брак справедливо будет называться этим именем; но, если она, вместо одного, вводит многих мужей в дом свой, то, хотя и не смею назвать это прелюбодеянием, однако сказал бы, что она много уступает той, которая, кроме одного, не знала другого мужа. Та вняла словам Господа: «сего ради оставит человек отца своего и мать: и прилепится к жене своей; и будут оба в плоть едину» ([Матф. XIX, 5](#)); прилепилась к мужу, как к собственной своей плоти, и не забыла однажды данной ей главы; а эта не считает собственной плотию ни первого, ни второго мужа; ибо первый изгнан вторым, а второй первым; и она уже не может хорошо помнить первого мужа, привязавшись после него к другому, и на последнего не может смотреть с надлежащею любовию, так как ум ея обращается и к покойному. Таким образом, наконец, оказывается, что оба, и тот и другой, лишены женою чести и любви подобающей мужу! С каким же, по ея мнению, расположением духа второй муж вступает в брачный чертог первого, восходит на его ложе, и смотрит на жену, которая над всем этим смеется и забавляется? Он, конечно, сильно возмущается и не с особенною любовию приближается к ней; даже если бы он был тверже всех людей, однако не может быть столь грубым, чтобы не иметь человеческих чувств, хотя бы она облекла и себя и дом свой безчисленными украшениями. Печаль, уже постигшая дом (после первого мужа), не допускает быть чистою радости (при втором), но, подобно тому, как на стенах, у которых какая-нибудь часть сильно обгорела, а потом несколько подкрашена, резкая и глубокая чернота портит белизну окраски, и вид бывает неприятный; так и здесь, хотя бы (жена) придумала много блеска, в нем проглядывает уныние и какая-то неприятная смесь того и другого. И домочадцы, и служанки, и работники, и жильцы, и соседи, и родственники покойнаго смотрят на это дело с прискорбием и сожалением. А если еще останутся и сироты, то малолетние возбуждают сильное нерасположение к

матери в тех, кто может понимать дело, а взрослые делают ей неприятностей больше всех. Сознывая все это, и законодатели, желая и утешить сетующих (вдов), и в оправдание себя показать, что они установили второй брак не по убеждению своему или по какому-нибудь предубеждению, но из опасения большого зла, лишили этот брак всякого блеска, так что вечера его не украшают ни флейты, ни рукоплескания, ни песни, ни пляски, ни брачные венцы, ни другое что-либо подобное; устраняя все это, они приводят мужа к вдовой жене неувенчанным, как бы выражая этим, что все остальное они допускают по снисхождению, а не как достойное похвал, рукоплесканий и венцов.

3. Почему же, скажут, Павел запретил молодым оставаться вдовами, хотя бы они и хотели этого, написав так: «юных же вдовиц отрицайся» ([1Тим. V, 11](#))? – Не Павел запретил вдовство желающим, но сами они вынудили его, против его воли, дать им такой закон. А если хочешь узнать собственное желание Павла, послушай, что он говорит: «хощу бо, да вси человецы будут, якоже и аз», в воздержании ([1Кор. VII, 7](#)) Блаженный апостол не возстает против самого себя, не впадает в противоречие и не запрещает вдовства желающим, когда сам желает, чтобы все люди соблюдали воздержание. Почему же он говорит: «юных же вдовиц отрицайся» ([1Тим. V, 11](#))? Скажи: отчего и для чего? Он не просто сказал так, но привел и причину: «егда бо», говорит, «разсвирепеют о Христе, посягати хотят». Видишь, что он запрещает оставаться вдовами и принадлежать к этому священному сонму не тем, которые желают вдовствовать, но тем, которые, овдовевши, снова намереваются вступить в брак; и делает это весьма мудро. Если ты намереваешься, говорит он, вступить во второй брак, то и не давай обета вдовства; потому что дать обет и не исполнить его гораздо хуже, чем вовсе не обещать. Как частыя сообщения он позволил (мужу и жене) не в виде закона, но из снисхождения к ним; «сие же», говорит он, «глаголю по совету, а не по повелению, по невоздержанию вашему» ([1Кор. VII, 5–6](#)), – так и здесь дозволил второй брак во избежание другого большого зла, чем и показал, что и это сделал он по снисхождению, применительно к слабости многих; слабость же разумею, не силы, но воли. Как девственница, растлившаяся после обета девства, грешит хуже прелюбоддеяния; так и вдова, однажды давшая обет (вдовства), а потом поправшая завет с Богом, впадает в такой же грех, и подлежит такому же наказанию, и даже, если можно сказать нечто удивительное, может быть гораздо большему; потому что, как и вначале я сказал, не все равно, неопытная ли, или уже опытная опять впадает в одинаковыя искушения. И не здесь только, но и в

вышеприведенном месте ([1Тим. V, 11](#)) и после слов: «хощу убо юным вдовицам посягати, чада раждати, дом строити», апостол приводит причину, почему он желает этого. Какая же это причина? «Ни едины же», говорит, «вины даяти противному хулы ради» ([1Тим. V, 14](#)). Так как тогда, вероятно, многия вдовы, освободившись от замужней жизни, как от какой неволи и рабства, пользовались последующею жизнью очень свободно и самовольно, и таким безстыдством навлекали на себя дурную молву, то он, для отклонения их от этой губельной свободы, опять подчиняет их прежнему игу. Если, говорит, какая-нибудь вдова вздумает тайно прелюбодействовать и безчестить себя; то гораздо лучше ей вступить в брак, и «ни едины вины даяти противному хулы ради». Таким образом, он повелел (вдовам) вступать в брак для того, чтобы оне не подавали поводов к злословию, и не вели постыдной и распутной жизни; именно, послушай, в чем он обличает их. Вместо того, чтобы проводить все время в молитвах и молениях, «оне», говорит, «праздны учатся обходить дома: не точию же праздны, но и блядивы и любопытны, глаголющя, яже не подобает» ([1Тим. V, 13](#)). А он хочет не этого, но чтобы вдова непрестанно упражнялась в духовных делах: «питающаяся же», говорит, «пространно, жива умерла есть» ([1Тим. V:6](#)). Так и от девственницы апостол требует, чтобы она не ограничивала этой добродетели (девства) чистотою тела, но все свободное время употребляла на служение Богу: «сие же», говорит, «на пользу вам самем глаголю: не да сило вам наложу, но к благообразию и благоприступанию Господеви безмолвну» ([1Кор. VII, 35](#)); он желает, чтобы девственница не делилась, но всецело посвящала себя духовному и небесному, и пеклась о Господнем. К такой жизни он увещевает и вдову: «а сущая», говорит, «истинная вдовица и уединена упоает на Бога, и пребывает в молитвах и молениях день и ночь» ([1Тим. V, 3](#)). А если вдовы то время, которое следует употреблять на евангельския дела, тратят во всю жизнь на занятия не только излишния и бесполезныя, но и весьма вредныя, то он справедливо уже располагает их к браку. И как иудеям Бог дал субботу, не для того, чтобы они просто бездействовали (в этот день), но чтобы воздерживались от порочных дел: так и вдова и девственница избирают этот образ жизни не для того, чтобы только не жить с мужьями, но чтобы пещись о Господнем, чтобы всецело посвящать себя на служение Богу.

4. Так, скажешь; но нестерпимое будет бедствие для женщины, неопытной в делах, если она будет вынуждена нести мужския обязанности; она не в состоянии будет распорядиться, как мужчина, и не достигнет ничего, кроме огорчений и потери всего имущества. Неужели

же все, не вступившие во второй брак, потеряли все свое имущество и лишились всего и нельзя указать ни на одну вдовую женщину, управляющую делами? Все это притворство и предлог и прикрытие собственной слабости. Многие женщины лучше мужей и управляли домом, и воспитывали детей-сирот, и доставшееся им имущество одне из них увеличили, другия не уменьшили. И Бог вначале не все вверил мужчинам и не во всем поставил житейския дела в зависимость только от них; иначе женщина подверглась бы презрению, как нисколько не содействующая нам в жизни. Зная это, Бог предоставил ей меньшую часть (дел), что и выразил издревле в словах: «сотворим ему помощника» ([Быт. II, 18](#)). Чтобы муж на том основании, что он создан первым и что жена сотворена для него, не стал превозноситься пред нею, Бог этими словами смирил гордость его и показал, что жена, не менее мужа, необходима для мирских дел. Какая же эти дела и в чем она помогает нам к устройству жизни? Так как настоящее благосостояние зависит от семейных дел не менее, чем от общественных, то Бог разделил их, и общественныя все предоставил мужчинам, а домашния женщинам; и если изменить этот порядок, то все разстроится и погибнет; так каждый из них (муж и жена) в своем деле гораздо полезнее другого. Итак, если домашния дела зависят от женскаго благоразумия, и если жена в этом отношении столько же превосходит мужа, сколько художники в своем искусстве превосходят невежд; то к чему у нас такое напрасное опасение? Приумножать имущество и собирать извне свойственно только мужчинам, а женщине заботиться о прибыли непристойно; но хранить и беречь приобретенное – свойственно только ей. Хотя и кажется, что приобретать важнее, чем сберегать, однако и первое без последняго бывает бесполезно и напрасно; часто даже первое и при последнем не только не приносит пользы, но и губит все. Так как трудно, чтобы муж, приобретая выгоды отвне, всегда приобретал их справедливым способом (ибо мужчины часто извлекают прибыль из несчастий других людей); то доставшияся в руки жены неправедныя и насильственныя приобретения часто вредят ей искусству и хозяйству. Посему, хотя приобретать и важнее, чем сохранять, однако и первое оказывается хуже последняго в другом отношении, когда не только не содействует умножению имущества, но и губит собранное. Почему же вдова будет опасаться, чтобы без мужа не пошли хуже домашния дела, о которых и при жизни его она сама имела попечение? Он, скажешь, легче может распоряжаться, так как из страха пред ним никто не станет противодействовать и производить затруднения; тогда и слуги, и домоправители, и поверенные, и все, боясь его, слушаются с полною

готовностию; и никто не противоречит; а когда умрет тот, кого боялись, все нападают на вдову, оскорбляют ее, делаются дерзкими, все приводят в беспорядок и разстройство; если же она станет противиться и расправляться, подвергая (непокорных) истязаниям и побоям, и заключая в темницу, то будут пересуды, злословия, укоризны от многих. Но, если она нарушит верность к покойному и забудет любовь его, и тот вечер, в который он впервые соединился с нею, и рукоплескания, и песни, и брачные светильники, и первыя объятия, и трапезы и прочее, в чем она всегда принимала участие, и речи, которыя обыкновенно жена слышит от мужа; если все это вдруг отбросит, как будто этого и не было, отворив двери дома своего другому, и привлечет его к ложу покойнаго – этому свидетелю всего прошлаго, – если она сделает это, неужели никто не будет укорять и осуждать ее? Неужели никто не возненавидит, и не назовет жестокою, неверною, клятвопреступною и всеми подобными названиями?

5. Не думай, будто потому, что блаженный Павел дозволил второй брак, он уже достоин и похвал и не осуждается многими. Хотя он не подлежит взысканию и наказанию, но не может пользоваться похвалами и прославлениями. Так похотливость и сладострастие (мужа) и невоздержание от жены во время поста, или в какое-либо другое время, также избегает наказания, но не удостоивается похвал; самое это снисхождение есть не что иное, как обличение его великой слабости и небрежности. Если ты опасешься, чтобы не прослыть жестокою за строгость к слугам, то прежде этого тебе должно опасаться, чтобы не прослыть сладострастною и невоздержною. Кроме того вдове можно будет лучше устроить свои дела так, чтобы и все имущество ея было в безопасности, и ее саму не только не поносили, но и хвалили все, а прежде этого, чтобы ей получить божественныя блага. Если она захочет сложить свое имущество на небе и сокрыть его в этом безопасном месте, то оно не только не уменьшится, но еще больше увеличится; ибо таково свойство этого сеяния. Если она не возвысилась до исполнения этой заповеди и не хочет все вдруг сложить туда, то пусть подумает и о том, что, вышедши замуж, она не непременно найдет в нем такого человека, который увеличит ея имущество; если же он и будет таков, то пусть она помыслит не об умножении только имущества, но и о том, что она может быть вовлечена во многия дела, противныя и Богу и людям. Если муж будет из числа людей сильных и могущественных, то может случиться, что он заставит ее многое и делать и терпеть против ея желанья и таким образом она теперь неизбежнее подвергнется тому, чего боялась во вдовстве, и не только этому, но может испытать самую быструю перемену. Оставаясь

вдовою, она, если и потерпит какой-нибудь ущерб в имуществе, за то остальным может пользоваться с великою безопасностью, но сочетавшись с мужем сильным, управляющим общественными делами, или имеющим какую-нибудь другую заботу, она может вдруг потерять все; потому что в несчастиях мужей необходимо участвуют и жены их. Но, если и не случится ничего такого, какое приобретение, скажи мне, променять свободу на рабство? Какая польза от большого богатства, когда нельзя употреблять его, на что хочется? Не гораздо ли лучше владеть свободно немногим, нежели богатствами всей вселенной, а самой вместе с ними быть под властью другого? Не говорю теперь о заботах, обидах, злословиях, ревности и напрасных подозрениях, болезнях деторождения и о всем прочем. Кто беседует с девицею, тот и об этом может сказать ей, как неопытной и незнающей этих дел. Но кто стал бы говорить об этом вдове, тот сделал бы ей неприятность; потому что напрасно пытаться словами учить ее тому, что она лучше узнала по опыту. Впрочем полезно прибавить, что девица, вышедши замуж, будет с ним жить с большею уверенностью и свободою, нежели вдова. Эту муж хотя будет любить, как свою жену, но не так, как ту, которую взял девицею; а что любовь к таким женам (из девиц) гораздо сильнее и пламеннее, нежели к тем (из вдов), это всякому известно; вдову же он будет обнимать и любить не от всей души, как уже познавшую другого мужа. Мы все, так сказать, привыкли из ревности ли, или по тщеславию, или, не знаю, по какой другой причине, любить больше всего те предметы, которыми и владеем и пользуемся не после других, но распоряжаемся сами одни и первые. Так, можно видеть это, бывает у нас с одеждами: нам не столько нравятся одежды, перешедшие в наше владение от других, сколько те, которых никто не носил. Тоже и с домами и сосудами: мы не столько любим дом, доставшийся нам от другого, сколько тот, который мы сами построили; и из сосудов мы с особенною бережливостию и тщательностию храним те, которые недавно сделаны и получили у нас первое употребление, а перешедшими к нам от других не очень дорожим и даже иногда гнушаемся, так что и переделываем их. Если же у нас бывает такое чувство по отношению к домам, одеждам и сосудам, то представь, с какою силою оно должно пробуждаться в отношении к жене, дороже которой ничего нет для мужа? Те вещи мы можем и передать желающим, а жену — непозволительно; так что скорее мы разстанемся с душою, нежели допустим себя до этого. Итак к девице, как я сказал, муж относится со всем расположением, как неприкосновенной и принадлежащей собственно ему и никому другому, а на вдову, бывшую прежде в супружестве с другим,

будет смотреть не с такою любовью и расположенностию.

6. Не говори мне о том, что бывало изредка и может быть однажды, но о том, что постоянно происходит на опыте. Девица будет жить с большею уверенностию не только по сказанным причинам, но и по многим другим. Муж вдовы легко может и упрекнуть ее в том, что она пренебрегает им, и в доказательство такого пренебрежения сослаться на ее неверность первому мужу, и заставит ее молчать как относительно прошедшаго, так и того, чего может быть и не будет: пренебрежение, оказанное покойному, расположит и живого ожидать себе того же, хотя бы этого и не случилось. И не один муж будет обременять ее такими упреками, но и слуги, и служанки, если не явно, то тайно будут укорять ее и осыпать безчисленными насмешками. А если еще случится, что останутся малолетняя дети после умершаго, то как она будет воспитывать их, как заботиться о них? Не будут ли они проводить жизнь несчастнее всяких сирот, видя в руках другого все имущество своего отца, и прислугу, и дом, и поля, и главное – жену его? Могут ли они относиться к ней, как к матери? Может ли и она относиться, как к детям, к тем, которых принуждена бывает стыдиться и краснеть, и которым не может оказывать всей материнской любви, потому что душа ее делится между ними и детьми последняго мужа? А что, скажет кто-нибудь, если она очень молода и недолго жила с мужем? Все это и сказано мною не к старым, а к молодым вдовам; со старыми, поступающими так, – я и говорить не стану; потому что, если уже не убедило их воздержаться от второго брака ни продолжительное время, ни возраст и ничто другое, то тем менее можем убедить их мы своим словом. Вся моя речь к молодым. Что, скажут, если она молода и, прожив только один год в супружестве с первым мужем, вступает во второй брак? Почему ты обращаешься к ней предпочтительно пред той, которая прожила в браке двадцать или тридцать лет? Не я, но блаженный Павел, который говорит: «блаженнейша же есть, аще тако пребудет» ([1Кор. V, 40](#)). Что нам до той, которая, хотя и долго жила с мужем, но с одним только, с одним и тем же, с которым сочеталась вначале? А эта отдалась двоим, и притом в короткое время. Но она, скажешь, (сделала это) по неволе; если бы жив был первый муж, она при нем не полюбила бы другого; а так как он умер преждевременно, то она, по необходимости, опять сочеталась с другим. По какой необходимости? Я вижу другую необходимость, большую той, о которой ты говоришь, такую, которая достаточна для удержания ее при покойном, именно испытание горестей мирской жизни. Та, которая проводила такую жизнь долго и довольно наслаждалась ею, может опять обратиться к подобной жизни в

надежде найти те же удовольствия; но та, которая в самом начале (супружеской жизни) испытала такие огорчения, по какому побуждению и с какою надеждою пойдет на встречу тем же неприятностям? И желающий торговать, если, не получив еще никакой прибыли, при самом выходе из пристани, потерпит кораблекрушение, неохотно потом возьмется за торговлю. Так и эта вдова, которая ожидала (от брака) много удовольствий и, не успев хорошо изведать их, испытала такую горечь, конечно не полюбит мирской жизни, если не будет весьма невоздержною, или лучше сказать, хотя бы она имела пламенное расположение и сильное пристрастие к этой жизни: неприятное начало достаточно может погасить страсть ея. Мы обыкновенно держимся весьма крепко своих предприятий, когда хорошо начали их; когда же с самого начала и, так сказать, с первого шага встретим неприятности и неудобства, тогда скоро отказываемся от своего намерения, охлаждающего в нас. Так и овдовевшая рано сами должны бы отказываться от второго брака, чтобы опять не потерпеть того же. Остающаяся во вдовстве может жить спокойно и не опасаться опять такого же горя, а вступившая во второй брак необходимо будет ожидать того же несчастья. Кроме того, хотя состояние вдовства одинаково, но не все вдовы получают одинаковыя за него награды, но одне большия, а другия меньшия; принявша это иго в молодости удостоятся большей чести и награды, нежели овдовевшая в самой старости. Почему? Потому, что первая (вдова), не смотря на множество препятствий, все перенесла по страху Божию, а последняя не понесла и малаго подвига и труда; ибо какой труд там, где нет ничего требующаго усилий? Посему, как вышедшая за другого меньше имевшей одного мужа, так остающаяся во вдовстве с самой юности много может превзойти потерявшую мужа в старости; хотя у обеих было по одному только мужу, но одна из них прошла (целое) поприще чистоты, другая же далеко отстала позади. Итак, смотри не на труд только, но и на награду. Многия добрыя дела кажутся нам так трудными потому, что, обращая постоянно внимание на трудность и тяжесть их, мы не представляем в уме уготованных за них наград. Не так должно поступать, но принимать во внимание все вместе, с трудами и награды, и тогда труды покажутся нам легкими, как и действительно они легки. Так доблестный воин, когда идет на войну, представляет себе не только раны, поражение и смерть, но и трофеи, и победы, и все другия почести; и земледелец, принимаясь за работу, имеет в виду не только паханье и труд копания земли, но и гумно и точило. Так и мы тягость вдовства будем облегчать благими надеждами, и гораздо более, чем названные люди, потому что исполнению их ожидания часто

препятствуют многие независящие от них обстоятельства, а наших надежд никто не посрамит, если мы сами того не пожелаем. Не будем же иметь такого желания, но, имея в виду, что вдова немного уступает девственнице (иногда же и превосходит ее, когда девственница вмешивается в мирские дела, а вдовица, по словам Павла, «уединена уповает на Бога и пребывает в молитвах и молении» ([1Тим. V, 5](#)) и воздерживается от житейских дел), примем на себя этот подвиг, чтобы удостоиться за него венцов. Это сказано вам не для принуждения и не для того, как я сказал, мы предложили это увещание, чтобы осуждать нежелающих оставаться вдовами, но чтобы расположить и убедить их не слишком привязываться к земле, и однажды отрешившись (от уз брака), оставаться свободными, стремиться к небу, образ жизни вести тамошний, и соединившись со Христом, все делать так, как следует имеющим такого Жениха; ибо Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Отцем и животворящим и Святым Его Духом, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.